

ЕВРИПИД

ВАКХАНКИ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ДИОНИС

Сын Зевса, я пришёл в фиванскую страну.
Дионис я. Семела – мать моя, дочь Кадма,
ей чрево отворил огонь молниеносный.
Божественный свой облик изменив на смертный,
я прибыл к струям Дирке и волнам Исмена.
Я вижу матери моей, убитой громом,
гробницу, а вблизи дворца обломки дома
ещё дымятся, тлеют Зевсовым огнём:
на мать мою не гаснет гнев богини Геры.
Хвалю я Кадма. В память дочери своей
он эту землю освятил. Её покрыл я
обилем сочных лоз и полновесных гроздьев.
По золоту полей ливийцев и фригийцев,
по обожжённым солнцем плоскогорьям персов,
от стен бактрийских, из страны мидийцев грозной,
из процветающей Аравии пришёл я,
всю Азию пройдя, к солёной бездне моря
склонённую, где вместе варвары и греки
прекраснобашенные полнят города.
Там пляски начал я, установил обряды
и сразу в этот город греческий явился,
чтоб смертные мою божественность познали.
Из греческих земель сначала Фивы я
привёл в экстаз, и женщин их облёк в небриды,
и дал им в руки тирс, обвёрнутый плющом:
ведь сёстры матери – уж эти бы молчали! –
сказали, что Дионис не рождён от Зевса
и что Семелу соблазнил какой-то смертный,
что возведён на Зевса этот грех постельный
обманом Кадма, будто Зевс её убил
за то, что выдуманной связью выхвалялась.
Я жалом бешенства прогнал их из дворца,
лишив рассудка. На горе они живут,
насильно для моих обрядов разодеты.
Весь женский род кадмейцев с ними заодно
повыгонял я из домов, и толпы женщин
сидят, смешавшись с кадмовыми дочерьми,
в тени зелёных елей, на камнях голых.
Обязан выучить непосвящённый город,
хоть и неволей, вакханалии мои,
а мать мою, Семелу, оправдать я должен,
явившись людям богом, ей рождённым Зевсу!

Кадм ныне одряхлел и передать решился
всю власть Пенфею, сыну дочери своей.
Тот богоборствует со мной – ни возлияний
не совершит мне, ни в молитвах не помянет.
Свою божественность я докажу ему
и всем фиванцам, а затем в другую землю,
дела тут завершив, стопы свои направлю,
являя там себя. Но если град фиванский,
во гневе, взяв мечи, вакханок с гор погонит,
я на него безумных женщин натравлю!
Поэтому я превратился в человека
и преходящее воспринял естество.
Эй вы, покинувшие Тмол, оплот лидийский,
толпой ушедшие из варварских пределов,
чтоб мне содействовать! Вы, спутницы мои!
Тимпаны местные, фригийские подняв –
их Рея-мать изобрела со мною вместе –
Пенфея царские хоромы окружив,
шумите, чтобы вас увидел город кадмов!
А я к вакханкам, в киферонские ущелья,
пойду и хороводы с ними повожу.

ХОР

Из азийской земли,
священный Тмол покинув, спешу я
свершить сладкую службу Бромиию,
труд неутруждающий,
воскликаньями славя Вакха.
Кто на дороге? Кто на дороге?
Кто в доме? Пусть всякий выходит,
уста сомкнув благоговейно!
Как навек установлено, буду я
Диониса воспевать гимнами.

Счастлив тот, кто блаженно
познаёт обряды богов,
живя непорочно
и всею душой предаваясь
на горах вакхическим восторгам,
очищениям благочестивым,
законно празднуя таинства
великой Матери-Кибелы,
потрясая тирсом над головой,
плющом увенчанной,
и служа Дионису.
Вперёд, вакханки! Вперёд, вакханки!
Бромия, бога и сына божьего,
Диониса, ведите домой
с гор фригийских на улицы Эллады широкие,
для хороводов созданные! Ведите Бромия,

которого некогда мать, им беременная,
в насильно вызванных муках родильных,
когда пролетела молния Зевса,
родила, из чрева исторгнув,
с жизнью расставаясь
под ударом грома –
но его немедленно принял
в родильные полости Зевс-Кронид:
спрятал в бедре своём,
застегнутом золотыми булавками,
скрывая от Геры.
И родил, когда Мойры
исполнили время, волорогого бога,
и увенчал его венками из змей,
которыми, как добычей своей, менады,
зверей кормящие, волосы оплетают.

О Фивы, Семелу вскормившие,
венчайтесь плющом!
Изобилуйте, изобилуйте
зелёным, плодоносным тисом!
Исполняйтесь восторгом вакхическим,
держа дубовые или еловые ветви,
обвяжите небриды пёстрые
ключьями белой шерсти,
со всех сторон фенхели необузданные
освятите: тотчас вся земля в хороводе соединится,
когда Бромий поведёт процессии
на гору, на гору, где ожидает
женская толпа,
от кросен и челноков
отогнанная Дионисом!

О тайное жилище Куретов
и священные прибежища Крита,
родившие Зевса!
Там, в пещерах,
этот обтянутый кожей обруч
изобрели для меня трёхшлемные Корибанты
и в исступлённом вакхическом танце
смешали ритм его со сладкозвучным дыханием
фригийских флейт, вложив его в руку Матери-Реи,
чтобы гремел он под восклицанья вакханок.
А неистовые Сатиры
от богини-матери получили его
и ввели в хороводы,
каждый третий год водимые,
которым радуется Дионис.

Нам он приятен в горах, когда,
отделясь от мчащихся толп,
на землю падает, облачён в священный
покров небриды, жажда
крови козы убитой, наслаждения мясом сырым,
стремясь во фригийские, лидийские горы,
вождь Бромий.
Эвое!
Истекает земля молоком, истекает вином,
истекает пчелиным нектаром.
Вакх, поднимая багряное пламя
соснового факела, который дымит
подобно сирийскому ладану,
мечется с фенхелем,
беганьем и танцами
возбуждая скитальцев,
будоража их криками,
закидывая роскошные волосы в небо!
Над славословьями он возвышает громовой голос:
«Вперёд же, вакханки!
Вперёд же, вакханки,
гордость златотекущего Тмола!
Воспевайте Диониса
под звук тяжко гремящих тимпанов,
криками «Эвое!» славьте эвоического бога
среди фригийских кличей и восклицаний,
когда лотос, прекрасно поющий,
священный, гудит священной мелодией,
вливаясь в движение на гору, на гору!»
И радостно, как жеребёнок возле пасущейся матки,
подпрыгивает быстроногая вакханка.

ТИРЕСИЙ

Кто у ворот? Из дома вызови мне Кадма,
Агенорова сына: он Сидон покинул
и укрепил стеной фиванский этот город.
Пусть кто-нибудь пойдёт объявит, что Тиресий
тут ждёт его. Он знает сам, зачем пришёл я.
Мы старики, и он дряхлей меня – однако
решили тирсы мы связать, надеть небриды
и головы покрыть венками из плюща.

КАДМ

Дражайший друг, узнал я голос твой, услышав
из дома мудрые глаголы мудреца!
Иду охотно я, в божественном наряде:
обязаны мы сына дочери моей,
Диониса, явившегося людям богом,
насколько это в наших силах, возвеличить.
Где нужно танцевать, куда поставить ногу,

тряся седою головой? Ты растолкуй мне,
как старику старик, Тиресий, ты же мудрый!
Не утомлюсь ни днём, ни ночью я стучать
о землю тирсом. Радостно мы забываем
о старости своей! Тир. Ты чувствуешь, как я!
Вернулась юность и ко мне, я рвусь плясать!
Кадм Мы в гору не отправимся на колеснице?
Тир. Нельзя нам – этак бог получит меньше чести.
Кадм Тебя вести я буду, старика старик.
Тир. Сам бог на место приведёт нас без усилия.
Кадм Из горожан одни лишь мы попляшем Вакху?
Тир. Лишь мы в своём уме, все прочие безумны.
Кадм Довольно медлить! Вот, бери меня за руку!
Тир. Давай, соедини, сплети ладони наши!
Кадм Рождённый смертным, я богов не презираю.
Тир. Не мудрствую и я над божьими делами.
Обычаи отцовы, сверстники веков,
достались нам: не опровергнет их ни слово,
ни измышление глубочайшего ума.
Кадм Наверно, скажут мне, что я старик бесстыжий,
плясать собравшийся с плющом на голове?
Тир. По-видимому, бог, людей пуская в пляс,
не разбирается, кто молодой, кто старше,
но хочет всеми почитаться сообща,
числом служителей не измеряя славу.
Кадм Поскольку ты, Тиресий, этот свет не видишь,
то ныне мой черёд вещать тебе словами.
Поспешно к дому приближается Пенфей,
сын Эхиона: дал ему я власть над царством.
Как он взволнован! Что же нового расскажет?

ПЕНФЕЙ

Случилось быть мне за пределами страны,
вдруг слышу: небывалым злом охвачен город.
Мол, женщины свои покинули покои
для мнимых вакханалий, скачут по горам,
в тени густой, и новоявленного бога,
Диониса какого-то, величат пляской.
Они у кратеров наполненных сидят,
скрываясь, кто куда, в укромное местечко
и подстилаясь под мужчин. Извольте видеть,
они теперь менады, служащие богу,
не столько Вакху, впрочем, сколько Афродите!
Кого поймал я, слуги тем связали руки
и в нашей городской тюрьме их стерегут,
а тех, кого здесь нет, я на горé настигну:
Ино, Агаву-мать, супругу Эхиона,
родительницу Актеона, Автоною.
Железными сетями крепко их опутав,
прерву я мигом это мерзкое распутство.

Явился, говорят, какой-то чужеземец,
колдун и оболститель, из страны лидийской,
светловолосый, с ароматными кудрями,
лицо горит вином, глядит, как Афродита.
Все дни и ночи он при девушках проводит,
вакхические таинства им предлагая.
Но если я его в своей стране поймаю,
не будет тирсом он стучать, тряся кудрями:
ему я живо шею с туловища срежу.
Он заявляет, что Дионис – это бог,
тот самый, что зашит был в зевсовом бедре
и с матерью сожжён огнями громовыми
за то, что мать его лгала о связи с Зевсом.
Не правда ли, достойна гибельной петли
такая наглость, кем бы ни был чужестранец?
Но вижу я иное чудо: предсказатель
Тиресий предо мной, в пестреющей небриде,
отец же матери моей – вот смех-то, право! –
танцует с фенхелем в руках. Эй ты, почтенный,
безмозглую твою мне гадко видеть старость!
Не сбросишь ли ты этот плющ? Не дашь ли воли
руке своей от тирса? Ты мой дед, не так ли?
Тиресий, это ты его заставил! Хочешь
ты бога нового ввести в среду людскую,
за птицами следить и жертвы жечь за деньги.
Когда б тебя седая старость не хранила,
сидел бы ты в оковах посреди вакханок
за ввод обрядов гадких. Если на пирушках
впивают женщины текучий сок лозы,
такие таинства бесспорно нездоровы.

Хор
Чужак бессовестный! Ты ни богов, ни Кадма
не чтить, посеявшего колос землеродный!
Сын Эхиона, ты свой род начнёшь бесчестить?

Тир.
Когда имеет для речей своих мудрец
хороший повод, покорять умы не трудно.
Ты вертишь языком, как человек разумный,
но в словесах твоих я разума не слышу.
Плох гражданин, который дерзостью силён
и в разговор кидается, не размышляя.
А этот новый бог, над коим ты глумишься,
мне трудно высказать, насколько он велик
в Элладе будет. Юноша, есть двое главных
божеств у смертных: то владычица Деметра –
иначе Гея, называй её как хочешь –
она сухою пищей род людской питает,
и сын Семелы, появившийся позднее
с равновеликим даром, нежным соком грозди.
Он горе бедных смертных прекращает ею,
те насыщаются потоком виноградным,
дающим сон, забвеньё горестей земных,

другого средства от забот не существует.
Являясь богом, возливается богам он,
чтоб милостью его давались людям блага.
Над ним смеёшься ты за то, что был зашит он
в бедре у Зевса? Но пойми, как это чудно!
Его у громового пламени отняв,
Зевс на Олимп вознёс ребёнка, словно бога.
Его хотела с небосвода сбросить Гера,
но Зевс её божественно перехитрил.
Кусок эфира, окружающего землю,
он отломил, слепил Диониса подобье,
и, как заложника, оставил гневной Гере.
Позднее люди переставили слова:
мол, в зевсовом бедре заложен был Дионис,
а он заложником-то был богини Геры.
Бог этот – прорицатель. В полном исступлении,
в неистовстве есть предсказаний дар могучий.
Когда необоримый бог вступает в тело,
к вещанию он побуждает одержимых.
Он перенял и долю некую Ареса:
бывает, войско, при оружии, в строю,
копья не подняв, разбегается от страха,
но от Диониса безумие и это.
Ещё увидишь ты, как он по скалам, в Дельфах,
и на плато двуглавом скачет с факелами,
хлестая, потрясая вакховою ветвью,
прославлен всей Элладой. Внемли мне, Пенфей!
Не хвастай, что лишь царь людьми повелевает,
не принимай свои недужные раздумья
за разум. Бога ты пусти в свою страну,
вино ему возлей, пляши, венком украсься!
Ведь целомудрия Дионис не навяжет
делам Киприды, но должно в природе женщин
быть целомудрие и проявляться всюду.
Заметь себе: и средь вакхического буйства
благоразумная развращена не будет.
Ведь так? Ты рад толпе, стоящей у ворот,
когда Пенфей величает целый город –
и богу, думается, почести приятны.
Мы вместе с Кадмом, над которым ты смеёшься,
увенчаны плющом, приступим ныне к пляске.
Мы оба старики, но нам плясать придётся!
Твои слова меня не склонят к богоборству.
Ты полностью безумен. Никакие зелья
тебя не исцелят. Ты не без них и болен.
Старик, словами ты не принижаешь Феба,
почтён и Бромий, бог великий, очень мудро!
Дитя, Тиресий наставлял тебя отменно.
Живи средь нас, не за пределами законов.
Твой ум порхает, ищет мудрости в безумьи.

Хор

Кадм

Пусть даже тот не бог, как ты нам заявляешь,
 а ты скажи, что бог, солги с хорошей целью.
 Пусть думают, что родила Семела бога –
 и нам, и роду твоему прибудет чести.
 Ты помнишь злополучный жребий Актеона:
 им вскормленные кровожадные собаки
 его же разорвали. Хвастал на лугах он,
 что, как охотник, превосходит Артемиду.
 Смотри не пострадай! Иди сюда, плющом
 дай увенчать себя. Славь бога вместе с нами!
 Пенф. Не смей меня касаться! Прочь ступай, беснуйся!
 Не обтирай своё безумье об меня!
 А этот друг твой, безрассудности учитель,
 наказан будет. Кто-нибудь, беги немедля
 к седалищам, где он подслушивает птиц,
 разбей всё ломом, кверху дном переверни,
 все вещи разбросай, устрой там полный хаос
 и брось его повязки бурям и ветрам –
 я душу так ему всего больней израню!
 А вы по городу пройдите, разыщите
 женоподобного бродягу, новой скверной
 пятнающего женщин, браки разрушая.
 И если вы его поймаете, ведите
 сюда в оковах. Мы побьём его камнями,
 познает горечь он фиванских вакханалий!
 Тир. Упрямец, ты не знаешь сам, что говоришь.
 Уже в безумье превратилось безрассудство.
 Пойдём отсюда, Каadm. Попросим, чтобы бог
 не причинил ему, хотя он и взбесился,
 и горожанам неожиданного горя.
 Иди со мной, неси свой посох плющевой,
 мы постараемся поддерживать друг друга.
 Двум старцам стыдно падать. Ладно, будь что будет:
 нам нужно Вакху, сыну Зевса, послужить.
 Ты, Каadm, поберегись, чтоб не принёс печали
 в твой дом Пенфей. Я говорю не как вещатель,
 а просто глупостей наслушавшись глупца.

Хор Праведность, госпожа богов,
 Праведность, по земле
 крылом золотым проводящая,
 слова Пенфея ты слышишь ли?
 Слышишь ли ты несправедное
 оскорбление Бромия, сына Семелы,
 первого бога между блаженных
 на прекрасновенчаных празднествах?
 Вот его дарования:
 возглавлять хороводы,
 смеяться под звуки флейты,
 прекращать заботы,

когда блеск виноградной грозди
озаряет пир, даваемый в честь богов,
и кратер на плющеносных трапезах
сном облекает мужей.

Необузданным языкам,
беззаконному неразумию
один конец – несчастье,
а спокойная жизнь
и благоразумие
неколебимыми остаются
и сберегают дома, потому что,
хоть и живут небожители в далёком эфире,
видят они дела людские.
Мудрствование – не мудрость.
Размышления, не приличные смертным,
приводят к недолгой жизни.
Кто же, значит, за великим гоняясь,
доступного не получит?
Это, я полагаю, поступки безумных
и дурно советующих людей.

Уехать бы на Кипр,
на остров Афродиты,
где живут Эроты,
чарующие сердца смертных,
в Пафосе, оплодотворяемом
стоустными, бездождными
потоками реки варварской,
уехать бы в прекраснейшую
Пиерию, обитель муз,
к почтенному склону Олимпа:
туда веди меня, Бромий, Бромий,
предводитель вакханок, эвоический бог!
Там Хариты, там Потос, там вакханкам
позволено праздновать оргии!

Бог, сын Зевса,
радуется пиршествам,
любит Эйрену, счастья дарительницу,
богиню, вскармливающую детей.
Одинаково и богатому,
и обездоленному он даровал
усладу вина беспечальную.
Он того ненавидит, кто не стремится
при свете дня и ночами любезными
проводить счастливую жизнь,
мудро сердце и разум отдавая
от слишком учёных людей.
То, что простой народ полезным считает,
и я желаю принять.

СЛУГА

Пенфей, а вот и мы идём сюда с добычей,
нас не напрасно ты за нею посылал.
Зверь этот смирным оказался, он не стал
бежать от нас, но руки вытянул охотно,
и винный цвет его щеки не побледнел.
Смеясь, он дал себя связать и увести,
и смиренно ждал, мою работу облегчая.
Мне стыдно стало и сказал я: «Чужестранец,
моей тут воли нет. Пенфей так приказал.»
Вакханки же, которых ты схватил, и запер,
и путами связал в общественной тюрьме,
освободившись, убежали на поляны,
резвясь и к Бромии бессмертному взывая.
Оковы сами на ногах их разломались,
засовы дверь открыли, но без смертных рук.
Чудес исполнен многих, этот человек
явился в Фивы. Ты о прочем сам заботься.

Пенф. Вы все безумны. Он в тенётах рук моих
уже не так проворен, чтоб сбежать отсюда.
Однако ты не безобразен, чужестранец:
для женщин, то есть. Ты для них и прибыл в Фивы.
Твой волос длинен, не палестрою отрощен,
вдоль щёк твоих он вьётся, негу источая.
Ты кожу специально белой сохраняешь.
Не под лучами солнца, но в густой тени
своею красотой ты ловишь Афродиту.
Сначала мне скажи, откуда родом ты.

Дион. Тут нечем хвастаться и дать ответ несложно.
Когда-нибудь слышал ты о цветущем Тмоле?

Пенф. Слышал. Он окольцовывает город Сарды.

Дион. Оттуда я. Моя отчизна – край лидийский.

Пенф. Зачем обряды эти вводишь ты в Элладу?

Дион. Сам бог Дионис посвятил меня, сын Зевса.

Пенф. А что, там некий Зевс богов рождает новых?

Дион. Ничуть. Всё тот же, с кем Семела здесь венчалась.

Пенф. Бог принуждал тебя в ночи? При свете солнца?

Дион. Лицом к лицу, и передал мне тайны оргий.

Пенф. А эти оргии, на что они похожи?

Дион. Не велено об этом знать непосвящённым.

Пенф. Какая же от них для жертвующих польза?

Дион. Тебе нельзя слышать это, хоть и стоит.

Пенф. Ответ подделан ловко, чтоб желал я слушать!

Дион. Творец нечестья божьим оргиям противен.

Пенф. Ты, значит, бога видел ясно. И каков он?

Дион. Он был каким желал. Ему я не указчик.

Пенф. Опять ты от ответа умно уклонился!

Дион. Разумные слова глупы в ушах невежды.

Пенф. Ты с этим богом поначалу к нам явился?

Дион. Все варвары уж эти оргии танцуют.

Пенф. Они гораздо неразумней наших греков.
Дион. Разумней в этом, хоть законы там иные.
Пенф. Ты ночью или днём те оргии справляешь?
Дион. Всё больше ночью. Есть во мраке величавость.
Пенф. Нет, хитрость и порок для растлеванья женщин.
Дион. Постыдное и днём найти не очень сложно.
Пенф. Дурным затеям дам отведать я закона!
Дион. Отведай сам его, невежда и безбожник!
Пенф. Ну и наглец вакхант! И как язык подвешен!
Дион. Скажи, что будет мне. Какое наказание?
Пенф. Сначала волос твой роскошный я отрежу.
Дион. Священны локоны мои, ращу их богу.
Пенф. И тирс отдай, что у тебя в руках я вижу.
Дион. Сам отними. Дионису принадлежит он.
Пенф. Тебя же в доме мы запрём, приставив стражу.
Дион. Бог выпустит меня, как только пожелаю.
Пенф. Вот и зови его, среди вакханок стоя!
Дион. Он рядом и сейчас – и смотрит, как я мучусь.
Пенф. Но где же он? Моим глазам он не заметен.
Дион. Он там, где я. Ты нечестивец, и не видишь.
Пенф. Схватить его! Он оскорбил меня и Фивы!
Дион. Не смей меня вязать! Глупцы, я вас разумней!
Пенф. Вяжите, говорю! Моей тут больше власти!
Дион. Не знаешь жизни ты! Не видишь, кто такой ты!
Пенф. Пенфей, Агавы сын, а Эхион - отец мой.
Дион. Такое имя соответствует несчастью.
Пенф. Ступай! Его заприте возле конских ясель,
пускай насытит очи непроглядной тьмою.
Там и пляши! А тех, кого сюда привёл ты,
пособниц мерзостей, мы продадим на рынке,
не то их отучу шуметь и бить по шкурам,
у кросен рассажу, и жизнь их станет рабством.

Дион. Готов идти я. Не бывать тому, чего
не суждено. Тебе за эти оскорбления
воздаст Дионис, хоть в него ты и не веришь:
нас притесняя, ты его в тюрьму ведёшь.

Хор Ахелоева дочь,
владычица, дева прекрасная, Дирка!
Ты некогда в источники свои
приняла младенца Зевсова,
когда его заключал Зевс-родитель в бедро своё,
выхватив из огня бессмертного и воскликнув:
«Иди, Дифирамб, вступи
в моё мужское чрево!
Я Фивам являю тебя, Вакх,
чтобы они тебя так называли!»
Но ты, блаженная Дирка,
отталкиваешь увенчанные толпы,
к тебе пришедшие.

Зачем ты отвергаешь меня? Зачем бежишь от меня?
Ты ещё – клянусь гроздовидной радостью
лозы Дионисовой –
ты ещё о Бромии позаботишься!

Что за бешенство!
Напоминает своего
подземного предка, дракона,
Пенфей, которого зачал
Эхион землеродный,
свирепо зыркающее чудовище, а не смертный,
гигант-убийца, противник богов:
на мне, Бромиию принадлежащей,
он скоро узлы затянет –
внутри дома он уже держит
моего товарища,
скрытого в непроглядной темнице.
Ты видишь ли, сын Зевса,
Дионис, как твои вещатели
противятся принуждению?
Повелитель, сойди с Олимпа,
потрясая златовидным тирсом,
смири гордыню кровожадного мужа!

Где же: на Нисе, зверей кормящей,
носишь ты тирс во главе
процессий, Дионис,
или на вершинах корикийских?
Пожалуй, в обильных деревьями пещерах Олимпа,
где Орфей когда-то, на кифаре играя,
сближал деревья музыкой,
сближал зверей диких.
Счастливая Пиерия,
читит Эвий тебя и придёт
плясать на вакханалиях –
через Аксий стремительный
он поведёт кружащихся менад
и через Лидий,
называемый отцом-благодетелем,
дарителем счастья для смертных,
который, я слышала, родину славных коней
прекрасными водами насыщает.

Дион. Ио!
Услышьте, услышьте мой голос!
Ио, вакханки! Ио, вакханки!
Хор Кто это? Что это за звук? Откуда
меня призывает возглас Эвия?
Дион. Ио! Ио! Это я опять говорю,
сын Семелы и Зевса!

Хор   Ио! Ио! Господин! Господин!
Приди же к собранию нашему,
Бромий! Бромий!

Дион.   Встряхни земную твердь, почтенное Землетрясение!

Хор   А! А!
Скоро дворец Пенфея
распадётся, обрушится.
Дионис во дворце!
Поклоняйтесь ему! – Поклоняемся, о!

–   Видите: каменные брусья на колоннах
разбегаются? Это Бромий
возвышает голос внутри дома!

Дион.   Воспламените громовый блистающий светоч,
спалите, спалите жилище Пенфея!

Хор   А! А!
Ты разве не видишь огонь, разве не замечаешь
вокруг этой священной гробницы Семелы
пламень, оставленный некогда молнемечущим
Зевсовым громом?
Бросьте на землю, бросьте дрожащие
ваши тела, менады!
Господин, сын Зевса, на эти хоромы
нападает, всё вверх дном переворачивая!

Дион.   Варварки, да неужели так истерзаны вы страхом,
что попадали на землю? Вы почувствовали Вакха,
рушащего дом Пенфея! Но давайте поднимайтесь:
надо мужества набраться и прогнать из тела трепет!

Хор   Величайшее светило наших звучных вакханалий,
счастье вновь тебя увидеть! Пусто здесь и одиноко!

Дион.   Вы совсем поникли духом, зная, что меня уведят,
что я тотчас буду брошен в чёрную тюрьму Пенфея?

Хор   Как иначе? Кто спасёт нас, коль тебя постигнет горе?
Как же ты освободился после спора с нечестивцем?

Дион.   Я себя легко избавил, совершенно без усилий.

Хор   Но тебе связал он руки неразрывными узлами?

Дион.   Это я над ним смеялся. Веря, что меня он вяжет,
он меня не тронул вовсе, лишь питал мечты пустые.
Он быка нашёл у ясель, где хотел меня неволить,
и ему набросил петли на колени, на копыта,
тяжело дыша от гнева, весь испариной покрывшись
и себе кусая губы – я же был неподалёку,
молча сидя, наблюдая. В это время Вакх явился,
дом сотряс, раскинув пламя на гробнице материнской.
Царь увидел и подумал, что дворец его пылает,
заметался, загорланил, чтоб тащили Ахелоя:
все рабы засуетились над работой бесполезной.
Вскоре он оставил это, думая, что убежал я,
чёрный меч из ножен вырвал и пропал в покоях дома.
Тут, мне кажется, и это лишь моё сужденье, Бромий

во дворе мой призрак создал: мигом царь к нему метнулся,
меч вонзая в ясный воздух, жажда меня прикончить.
Кроме этого, приносит Вакх ему другие беды:
дом на землю он обрушил, уничтожив совершенно.
Царь почувствовал всю горечь уз моих. От изнуренья
бросив меч, совсем поникнул. Смертным будучи, дерзнул он
завязать сражение с богом. Я же вышел преспокойно
из дворца и к вам явился. До Пенфея нет мне дела.
Скоро, как я понимаю (башмаки стучат за дверью),
выйдет он во двор из дома. Интересно, что он скажет?
С ним управлюсь без труда я, пусть кряхтит и пышет гневом:
мудрецу же подобает быть разумно хладнокровным.

Пенф.

Беда какая! Чужестранец убежал,
а только что был весь верёвками обвязан.
А! А!

Кто этот человек? Что это? Как во двор
ты вышел? Это ты теперь стоишь у дома?

Дион.

Спокойно! Гнев поставь на тихую ступню.

Пенф.

Как сбросил узы ты? Как вышел ты наружу?

Дион.

Я говорил: меня развяжут. Не слыхал ты?

Пенф.

Развяжет кто? Ты постоянно дичь несёшь!

Дион.

Кто многогроздную лозу растит для смертных.

Пенф.

<Лоза его лишь к сумасшествию приводит!>

Дион.

Упрёк твой прозвучал Дионису во благо.

Пенф.

Заприте все ворота в городской стене!

Дион.

Зачем? Не перейдут ли боги и по стенам?

Пенф.

Умён, умён ты – только всё не там, где надо.

Дион.

Где ум всего нужнее, там я и умён.

Вон человек идёт. Сперва его послушай:
спустился он с горы с известием каким-то.
Я тут останусь, никуда не убегу.

ВЕСТНИК

Пенфей, повелевающий фиванским царством,
к тебе пришёл я с Киферона, где вовек
не унимается паденье хлопьев чистых.

Пенф.

Какое важное известие принёс ты?

Вест.

Вакханок видел я, умчавшихся отсюда:
свистели ноги их подобно белым копьям.

Тебе и городу сказать иду, властитель,
о странных их делах, все чудеса затмивших.

Хочу я знать: мне говорить свободно или
немного подбирая парус языка?

Твой нрав порывистый страшит меня, властитель,
он вспылчив и вдобавок царственен безмерно.

Пенф.

Всё говори! Что б ни сказал ты, будешь целым.

Не стоит злиться на правдивые слова.

Чем больше ужасов расскажешь про вакханок,
тем с большей строгостью я наказать смогу
того, что эти чары женщинам внушает.

Вест.

Стада пасущихся коров уже всходили
на склон горы, в тот час, когда свои лучи
разбрызгивает солнце, согревая землю.
Я вижу женщин, разделённых на три группы:
вождь первой – Автоноя, а второй – Агава,
твоя родительница, третьей же – Ино.
Все спали, утомлённые тела раскинув,
одни спиной лежали на ветвях еловых,
другие головами на дубовых листьях,
вразброс, пристойно, а не так, как говоришь ты –
из кратера напившись и под вызвизг флейты
уединяясь и лоя в лесу Киприду.
Тут мать твоя заулулюкала, поднявшись
среди вакханок, чтобы с тела сон стряхнули,
когда рогатых стад услышала мычанье,
и женщины прогнали пышный сон из глаз,
вставая стройно, в поразительном порядке:
и молодые, и пожившие, и девы.
Сначала отпустили волосы на плечи,
небриды подобрали там, где ослабели
узлы, и пёстрые подвязывали шкуры
гадюками, лизавшими тех женщин в щёки.
Какие-то из них, взяв косулёнка или
волчонка, молоком их вскармливали светлым,
давая им ещё наполненную грудь
(детей оставив дома), и листвой венчались
плюща, и смилакса цветущего, и дуба.
Потом ударил кто-то тирсом о скалу,
откуда брызнула струя кристальной влаги.
Другая фенхелем своим земли коснулась,
и бог ей вынес на поверхность винный ключ.
А те, кто белого питья вкусить желали,
раскапывали землю кончиками пальцев,
имея изобилье молока. Из тирсов,
плющом обвитых, ароматный мёд сочился.
Придя туда, хулить ты бога перестал бы,
но всё увидел бы и начал бы молиться.
Мы вместе, пастухи коров, овец и коз,
поспорить собрались, потолковать друг с другом
об этих странных, чудодейственных явлениях.
Пришёл из города бродяга языкастый
и всем сказал: «Эй вы, живущие в священных
долинах гор, а не поймать ли нам Агаву,
Пенфея мать, чтоб увести её от сборищ
и услужить царю?» Пришлись такие речи
по нраву нам, и мы среди кустов пушистых
устроили засаду. Должный час настал,
взметнулся звонкий тирс, вакханки закружились,
всем скопом к Иакху взывая, сыну Зевса,
владыке Бромиию. Слились гора и звери

в движеньи, ничего на месте не осталось.
Агава, прыгая, приблизилась ко мне,
я на ноги вскочил, поймать её желая,
кусты покинув, где в засаде притаился.
Она как вскрикнет: «Эй вы, гончие мои!
Мужчины эти ловят нас! За мной скорее!
За мной бегите! Тирсами вооружайтесь!»
Метнулись прочь мы от вакханок, а иначе
нас разодрали бы. В траве паслись коровы,
те бросились на них без всякого оружия.
Одна руками тёлку, с выменем прекрасным,
ревущую, терзала – ты бы только видел!
Другие рвали молодых коров на части.
Ты рёбра видел бы, взлетающие к небу,
и раздвоённые копыта, как они
на елях повисали, кровью истекая!
Быки свирепые, из-под рогов глазами
сверкавшие, всем телом падали на землю
под страшным натиском несметных рук девичьих.
Быстрее они покровы мяса раздирали,
чем ты смыкаешь веки этих царских глаз.
Потом вакханки понеслись, как птичья стая,
по протяжённости равнин, у струй Асопа
обильный урожай фиванцам приносящих.
В Эритры, Гисии, на склонах Киферона
стоящие, те женщины, как толпы вражьи,
ворвались, всё разбрасывая и ломая.
Они детей выхватывали из домов,
и что на плечи клали, то и без верёвок,
на землю чёрную не падая, держалось,
будь то железо или медь. На волосах
несли они огонь, не жгущий их. Во гневе
ограбленные бросились на них с оружием,
и я увидел нечто странное, властитель:
не ранил до крови ни дротик заострённый,
ни медь и ни железо <плоть менад священных>,
но женщины, метая тирсами в мужчин,
им раны наносили, в бегство обращая –
не обошлось тут без какого-нибудь бога.
Назад они пошли, откуда появились,
к источникам, которых бог им изливал,
и стали кровь смывать, а змеи языками
с их щёк рубиновые слизывали капли.
Ты богу этому, кто б ни был он, властитель,
позволь войти в твой город. Он велик во многом,
и говорят ещё, я слышал, что принёс
он смертным гроздь, покой дающую страдальцам,
а без вина не существует ни Киприды,
ни прочих удовольствий для людского рода.
Боюсь я обращаться с вольными словами

Хор

к тирану, но да будут сказаны они:
Дионис никаким богам не уступает!

Пенф. Уже вплотную, точно пламя, к нам подкралась вакханок дерзость, перед греками стыдя нас. Не надо медлить. Ты ступай к вратам Электры и прикажи всем щитоносцам собираться, всем всадникам на быстроногих лошадях, пелтастам, лучникам, рукою тетиву натягивающим. Отправимся на бой с вакханками! Невыносимо нам терпеть от этих женщин то, что мы претерпеваем!

Дион. Тебя никак мои слова не убедили, Пенфей. Хотя со мной и поступил ты плохо, я говорю тебе: ты с богом не вой, веди себя спокойно. Бромий не допустит, чтоб ты увёл вакханок с полнозвучных гор.

Пенф. Не поучай меня! Ты вышел из темницы, так волей дорожи, а то запру опять!

Дион. Ему бы жертву я принёс, и в раздраженьи лезть на рожон не стал бы, смертный против бога.

Пенф. А я и принесу: всех женщин перережу, как и положено, в долинах Киферона!

Дион. Рассеют вас, и будет стыдно, что вакханки прогнали тирсами медяные щиты.

Пенф. С каким несносным чужестранцем я сцепился! В оковах, без оков – никак не замолчит.

Дион. Послушай, друг, ещё не поздно всё исправить.

Пенф. Каким же образом? Рабыням стать рабом?

Дион. Я женщин приведу без помощи оружия.

Пенф. Вот горе! Вновь меня он хочет обмануть!

Дион. Зачем? Тебя спасти хочу своим искусством.

Пенф. Вы сговорились, чтобы вечно славить Вакха.

Дион. Ты так и понимай: я с богом сговорился.

Пенф. Оружие сюда! А ты закрой свой рот!

Дион. А!
Ты хочешь видеть на горах сидящих женщин?

Пенф. Конечно! Я б за это золотом осыпал!

Дион. Откуда страсть такая сильная взялась?

Пенф. Лишь горько было бы их пьяными увидеть.

Дион. Ты всё же рад бы посмотреть на то, что горько?

Пенф. Ну да, под сенью елей сидя молчаливо.

Дион. Тебя ведь выследят, хоть и придёшь тайком.

Пенф. Так я пойду открыто. Дело говоришь ты.

Дион. Мне отвести тебя? Уже выходишь в путь?

Пенф. Веди меня скорей! Задержка мне противна.

Дион. Надень сначала пеплос, вытканый из льна.

Пенф. Как это? Женщиной мужчине становиться?

Дион. А то тебя убьют, мужчину опознав.

Пенф. Вновь сказано прекрасно! Ты всегда был мудрым.

Дион. Дионис наделил меня образованием.

Пенф. Но как осуществить отменный твой совет?
Дион. Войдя с тобою в дом, я сам тебя одену.
Пенф. А что за платье будет? Женское? Мне стыдно.
Дион. Ты на менад уже не хочешь посмотреть?
Пенф. В какой ты, говоришь, наряд меня оденешь?
Дион. Я волосы твои сначала удлиню.
Пенф. Ну а вторая принадлежность облачения?
Дион. По пятки пеплос, да и митра на макушку.
Пенф. А что ещё ты на меня надеть желаешь?
Дион. Дам тирс тебе и шкуру пёструю, оленью.
Пенф. Нет, не могу я в платье женское одеться!
Дион. Но ведь прольёшь ты кровь, с вакханками сражаясь!
Пенф. Ты прав. Сначала нужно выйти на разведку.
Дион. Оно разумней, чем бедой ловить беду.
Пенф. Но как пройти мне город втайне от кадмейцев?
Дион. По улицам пустым. Я поведу тебя.
Пенф. Всё лучше, чем ходить посмешищем вакханок.
Дион. Идём-ка во дворец <и там тебя нарядим.>
Пенф. <Не торопись! Я сам> решу, что надо делать.
Дион. Отлично! Что бы ни решил ты, я готов.
Пенф. Ну, я пошёл. Быть может, выступлю с оружием,
а, может, и послушаюсь твоих советов.
Дион. Вот, женщины! Он сам теперь заходит в сети.
Пойдёт к вакханкам и за всё заплатит смертью.
Дионис, дело за тобой – недалеко ты!
Отмстим ему! Сперва лиши его рассудка,
повергни в лёгкое безумство. Здравомыслящ,
он женщиной не пожелает нарядиться,
сведённый же с ума, оденется и в платье.
Мне нужно, чтоб его фиванцы осмеяли,
когда по городу он женщиной пройдётся,
раз он мне раньше так ужасно угрожал.
Но я пойду, наряд надену на Пенфея,
в котором он в Аид отправится, погибнув
от материнских рук. Тогда он сына Зевса,
Диониса, познает. Это бог страшнейший
в своих мистериях, но для людей кротчайший.

Хор
В хороводах всеобщих
выступлю ли я когда-либо
белой ногою, охвачена исступлением,
подставив шею росистому воздуху,
как молодая лань, играющая
среди зелёных радостей луга,
когда убежит она
от ужасной охоты, мимо загонщиков,
поверх крепко сплетённых сетей,
под крик охотника,
ускоряющего прыть гончих,
уносясь рывками, подобная

порывам стремительного ветра,
к равнине приречной,
радуясь отсутствию смертных
и порослям густолиственного леса?

В чём же мудрый, в чём более достойный
дар от богов смертным, как не в том,
чтоб удерживать, с превосходящею силой,
руку над головами врагов?
Что достойно, то мило навеки.

Двигается медленно, но надёжно
сила божественная,
она исправляет смертных,
почитающих неразумие,
деянья богов не умножающих
в своих безумных помыслах.
Боги скрывают разнообразно
медлительную ступню времени,
уловляя безбожника:
никогда нельзя в мыслях и стремлениях
над законами превозноситься,
ведь малая трата –
признавать полновластным то,
что божественно, каким бы оно ни являлось,
и что в течение долгого времени
было законным и согласным с природой.

В чём же мудрый, в чём более достойный
дар от богов смертным, как не в том,
чтоб удерживать, с превосходящею силой,
руку над головами врагов?
Что достойно, то мило навеки.

Блажен избегнувший
бури морской, достигнув гавани,
блажен преодолевший
страдания: по-разному один другого
затмевает богатством и властью.
Кроме того, в несчётных сердцах
живут надежды несчётные:
одни приводят к богатству,
доступному смертным, другие же исчезают.
Лишь того, чья жизнь повседневно
блаженна, признаю я счастливым.

Дион.

Эй ты, желающий увидеть что не надо,
стремящийся куда не следует, Пенфей!
Из дома выйди, появиись передо мною
в наряде женщины, менады и вакханки,

следу за матерью и за её отрядом –
дочь Кадмову напоминаешь ты отменно!

Пенф. Мне кажется, что созерцаю я два солнца,
удвоился и семивратный город Фивы,
ты в бычьем облике передо мною ходишь
и выросли рога на голове твоей!

Дион. Всегда ты зверем был? Быком ты стал, бесспорно!

Пенф. Немилостивый бог нам сделался теперь
союзником. Ты видишь то, что должен видеть.

Дион. Но как я выгляжу? Похож я на Ино́?
Напоминаю ли я мать мою Агаву?

Пенф. Я вижу их обеих, глядя на тебя!

Дион. Но с места своего вот этот локон сбился:
не там он, где его под митрой я приладил.

Пенф. Я дома головою тряс туда-сюда,
как будто я вакханка, вот он и сместился.

Дион. А мы его обратно, ведь служить тебе –
одна моя забота. Голову прямее!

Пенф. Давай, причёсывай! Теперь я твой всецело.

Дион. Твой пояс ослабел на пеплосе, и складки
не по порядку протянулись до лодыжек.

Пенф. Действительно. Но так на правой лишь ноге.
Отсюда же до самой пятки пеплос ровен.

Дион. Меня ты первым другом сделаешь, увидев,
как сдержанны вакханки, против ожидания.

Пенф. А тирс какой рукой держать мне: правой или
вот этой, чтобы стал я вылитой вакханкой?

Дион. Да, правой, чтобы вместе с правою ногой
вверх поднимать. Ты молодец, что передумал!

Пенф. Смогу ли понести я долы Киферона
и заодно вакханок на своих плечах?

Дион. Конечно, если пожелаешь. Ты не в здравом
уме был раньше, но теперь твой ум что надо.

Пенф. Нам ломы брать или взломаю я руками
вершины гор, плечом толкнув их или локтем?

Дион. Прошу тебя, не разрушай ты храмы нимф
и тот приют, где Пан играет на свирели!

Пенф. Ты правильно сказал. Мы женщин одолеем
не силой. Лучше я под елями укроюсь!

Дион. Тебя укроет кров, под коим должен скрыться
хитрец, пришедший за вакханками следить.

Пенф. А знаешь, я найду их в чаще, словно птиц,
опутанных сладчайшими сетями страсти!

Дион. Не для того ли ты выходишь, страж порядка?
Ты их поймал, если сам не будешь пойман.

Пенф. Веди меня – но напрямую через Фивы:
лишь я один иду на подвиг, как мужчина!

Дион. Один ты трудишься за город свой, один.
Грядут уже тебя достойные сраженья!
Пойдём же! Я теперь спасительный твой спутник.

Другой тебя сведёт оттуда... Пенф. Мать, конечно!
Дион. На обозрение всем. Пенф. Для этого иду я!
Дион. Прибудешь ты, несом... Пенф. Какая роскошь, право!
Дион. ...твоей же матерью... Пенф. Меня совсем изнежишь!
Дион. Изнежу, как хочу. Пенф. Своё возьму я в руки!
Дион. Ты страшен, страшен, и страшны твои страдания,
за то и славу обретёшь ты вплоть до неба.
Агава с сёстрами, рождёнными от Кадма,
прострите руки! Ныне юношу веду я
на бой губительный, одержим же победу
мы с Бромием! Всё остальное будет видно.

Хор Мчитесь, быстрые псы Лиссы, мчитесь на гору,
где собираются кадмовы дочери,
приведите их в ярость
против раздетого женщиной
безумного соглядатая менад!
Мать сначала с голой скалы
или верхушки дерева приметит его,
как он крадётся, и крикнет менадам:
«Кто там следит за бежавшими в горы кадмеянками,
кто там на гору, на гору пришёл, пришёл, вакханки?
Кто породил его?
Не от женской он крови
произошёл, а от какой-нибудь львицы
или Горгон ливийских!»

Пусть идёт очевидная Справедливость,
меченосная, пронзающая
насквозь горло
безбожного, незаконного, несправедливого,
землеродного сына Эхионова,

который с неправой мыслью и преступным гневом
на обряды твои, Вакх, и твоей матери,
с умом взбешённым
и безумным желаньем выходит,
чтобы неодолимое одолеть силой.
Неизбежная смерть – залог благоразумия мыслей
о делах божественных,
и живущий так, как пристало смертному, живёт беспечально.
Я не завидую мудрости, но радуюсь, охотясь
за другими вещами, великими, явными,
из тех, что вечно ведут жизнь ко благу,
и стремлюсь день и ночь жить свято,
благочестиво, отвергая обычаи,
несогласные с праведностью, богов почитая.

Пусть идёт очевидная Справедливость,
меченосная, пронзающая

насквозь горло
безбожного, незаконного, несправедливого,
землеродного сына Эхиона!

Явись пред нашим взором быком,
или многоглавым драконом,
или огненным львом!
Иди, Вакх, зверь с лицом смеющимся,
затяни смертельной петлёю
ловца вакханок, едва он вторгнется
в толпу менад!

ВЕСТНИК <ВТОРОЙ>

О дом, цветущий прежде перед всей Элладой,
дом старца из Сидона, бросившего в землю
посев ползучего дракона землеродный!
Как плачу по тебе я! Пусть я раб, но всё же
хорошим слугам больно от беды господской.
Хор Да что стряслось? Принёс ты вести от вакханок?
Вест. Пенфея, сына Эхиона, нет на свете!
Хор Владыка Бромий! Ты и вправду бог великий!
Вест. Как так? Что ты сказала? Горестной судьбою
моих властителей ты, женщина, довольна?
Хор Я чужестранка и по-варварски ликую:
мне трепетать, страшась оков, уже не надо!
Вест. Ты думаешь, перевелись мужчины в Фивах?
Так навлечёшь ты <на себя большие беды!>
Хор Дионис мной повелевает,
один Дионис, а не Фивы!
Вест. Простить вас можно. Всё же, если вышло горе,
вам, женщины, возвеселяться неприлично.
Хор Ты скажи мне, поведай: как смерть свою встретил
муж негодный, вершитель негодных деяний?
Вест. Оставив позади фиванские селенья
и перейдя через асоповы потоки,
мы поднимались вверх по склону Киферона,
Пенфей и я (пошёл я вместе с господином),
на зрелище сопровождал нас чужестранец.
Сначала среди травы мы притаились пряной,
стараясь не шуметь ногами, не шептать,
чтоб видеть всё, но на виду не находиться.
Был рядом дол в кольце утёсов, пьющий влагу
источников, под сенью сосен, где менады
сидели, заняты приятным рукодельем.
Одни наматывали свежий плющ на тирсы,
которые былую пышность потеряли,
другие, как лошадки, сбросившие пёстрый
ошейник, звучно, радостно перекликались.
Пенфей несчастный, женскую толпу не видя,

сказал: «Оттуда, где мы встали, чужестранец,
не разглядеть менад мне этих самозванных.
На ель бы влезть, что тянет шею над холмами,
тогда увижу хорошо менад развратных.»
И чужеземец сотворил такое чудо –
верх ели ухватив, утопленный в лазури,
пригнул его, и гнул, и гнул до чёрной почвы.
Круглилась ель, как лук или струной бегущей
прочерченное колеса изображение.
Так чужестранец древо горное руками
тянул к земле. Нам, смертным, это не по силам.
Пенфея усадив на ветви этой ели,
он понемногу выпускал её из рук,
не торопясь, чтоб тот случайно не сорвался.
Она вершиной вознеслась в эфир высокий,
и на её хребте сидел мой повелитель,
менадам лучше виден, чем они ему.
Едва он появился, сидя на верхушке,
как чужеземца больше не было заметно,
лишь из эфира чей-то голос, вероятно,
Диониса, воззвал: «Подруги, к вам привёл я
того, кто вас, меня и тайнства мои
осмеивал. Вы покарайте нечестивца!»
Пока он говорил, меж небом и землёю
поднялся белый столп священного огня.
Замолк эфир, в лесной долине перестала
шуршать листва и прекратился крик зверей.
Вакханки же, расслышав голос тот неясно,
вскочили во весь рост и стали озираться.
Он снова зазвучал. На этот раз был узнан
зов ясный Вакха кадмовыми дочерьми,
и понеслись они не медленней голубок,
передвигая ноги в напряжённом беге,
Агава-мать, и с ней её родные сёстры,
и все вакханки, прыгая через потоки
и валуны, воспламенясь дыханьем бога.
Увидев господина моего на ели,
в него сначала изо всей швыряли силы
булыжники, взобравшись на скалу напротив,
и дротики ветвей еловых, а иные
метали тирсы в небо, чтобы сбить Пенфея,
несчастную мишень – однако безуспешно.
На высоте, превосходящей их усердьё,
сидел бедняга, в положении плачевном.
И вот, как молнией, с дубов срезая ветви,
ту ель корчуют нежелезными ломками.
Когда успехом их труды не увенчались,
Агава: «Эй, вставайте кругом и беритесь
за этот стебелёк, менады, чтобы всадник,
зверь дикий, нам попался и не сообщил

про пляски бога тайные!» И уйма рук,
за ель схватившись, вырвала её из почвы.
Сидевший на верхушке с высоты своей
на землю падает, стеноя неумолчно,
Понфей, поняв, как близко горе подступило.
Являясь жрицей, мать убийство начала
и налетела на него. Он сбросил митру
с волос, чтоб та его узнала, не убила,
несчастливая Агава, и молил, касаясь
щеки её: «Нет, мама! Это я, твой сын
Пенфей, тобой рождённый в доме Эхиона!
Ах, мама, сжался надо мной и за мои
проступки сына своего не убивай!»
Она же, пену испуская и кривыми
зрачками пучась, не могла подумать здраво,
и, Вакхом одержима, сыну не внимала.
Вцепившись крепко в руку левую его,
ногою в рёбра горемычного упёрлась
и вырвала плечо – не собственной силой,
но это бог придал её рукам проворство.
Ино́ же занялась другою стороною,
терзая плоть, с ней Автоноя да и вся
толпа вакханок. Раздавался общий крик:
и он стонал, пока душа в нём оставалась,
и женщины вопили. Та тащила руку,
а та обутую ступню. Белели рёбра
ободранные, и вакханки, все в крови,
друг другу, точно мяч, бросали плоть Пенфея.
Размётано всё тело: частью под слепыми
утёсами, а частью в густолистой чаще,
найти его не просто. Голову страдальца,
так получилось, что схватила в руки мать
и, насадив на тирс, подобно голове
льва горного, несёт сейчас по Киферону,
сестёр, танцующих с менадами, покинув.
И вот, гордясь своей добычей злополучной,
вступает в стены городские, клича Вакха,
напарника её, помощника в охоте
и победителя, добывшего ей слёзы.
Я удалюсь, пока Агавы в доме нет.
Воздержным быть и почитать дела бессмертных
есть благо высшее. Я думаю, что это
благоразумнейшее достоянье смертных.

Хор

Воспляшем в честь Вакха,
воскликнем во славу несчастья
Пенфея, драконова чада,
надевшего женскую столу
и взявшего тирс превосходный,
испытанный фенхель аидов,

быку, предводителю бед, повинуюсь!
Вакханки кадмейские,
прекраснопобедный и славный гимн
вы превратили в рыдания, в слёзы.
Славное состязанье: рукой, истекающей кровью,
обхватить своего ребёнка!

Но вижу я, что направляется к воротам
Агава, мать Пенфея, выпучив глаза.
Встречайте праздник эвоического бога!

АГАВА

Азийские вакханки... Хор Что ты зовёшь меня, женщина?
Аг. Мы несём с гор

плющ свежесрезанный ко дворцу,
счастливую добычу!

Хор Вижу и принимаю тебя, как подругу.

Аг. Я поймала его без тенёт,
<львицы горной> детёныша,
вот, посмотри!

Хор В какой глуши?

Аг. Киферон... Хор Киферон ?

Аг. ... прикончил его.

Хор Какая из вас его поразила? Аг. Первая честь – моя!

Счастливой Агавой зовут меня в хороводах.

Хор А кто ещё? Аг. Кадмовы...

Хор Кадмовы кто? Аг. Дочери
после меня, после меня за зверя взялись:
удачная ловля!

Аг. Участвуй в пире! Хор В чём же участвовать, бедная?
Телёнок ещё молодой:

его подбородок только что начал
густо цвести под шлемом нежных волос.

Хор Это, похоже, зверь полевой, судя по гриве.

Аг. Вакх-охотник,
мудрый, мудро менад натравил
на этого зверя.

Хор Ведь наш господин ловчий.

Аг. Ты одобряешь? Хор Одобряю.

Аг. И скоро кадмейцы...

Хор И сын твой Пенфей... Аг. Мать свою похвалит,
что поймала эту добычу, рождённую львицей.

Хор Странную добычу. Аг. И взятую странно.

Хор Ты рада? Аг. Я ликую!
Великие дела, великие и явные
свершила я на этой охоте!

Хор Несчастливая, ты горожанам покажи,
что за победную добычу принесла ты.

Аг. Вы, населяющие град земли фиванской
прекраснобашенный! Взгляните на добычу:
вот зверь, убитый кадмовыми дочерьми!
Не дротики ременчатые фессалийцев,
не сети сделали всё это, но клинки
рук наших белолокотных! К чему кичиться
и копья покупать у мастеров напрасно?
Ведь вот, своими же руками взяли мы
и разорвали зверя этого на части!
Где мой старик-отец? Пускай идёт сюда!
А где Пенфей, мой сын? Пускай возьмёт ступени
добротного сбитых лестниц, их приставит к дому
и голову к триглифам львиную прибьёт,
которую я раздобыла на охоте!

Кадм Идите же за мною с вашей скорбной ношей,
Пенфеем. Подойдите, слуги, прямо к дому.
Измучен поиском, несу я это тело,
которое нашёл в долинах киферонских,
растерзанное. Не в одном и том же месте
его собрал я, но по всей глухой трущобе.
Услышал я про злодеянья дочерей,
когда уже пришли мы в городские стены,
я и Тиресий престарелый, от вакханок.
На гору вновь я повернул и вот иду,
неся менадами погубленного сына.
Мать Актеона, Аристееву супругу
я видел, Автоною, вместе с ней Ино,
ещё беснующихся в роще, горемычных.
Агава же сюда вакхической стопою
идёт, как мне сказали. Слышал я не ложь:
вот и она. Мне в этом зрелище нет счастья.

Аг. Отец, тебе хвалиться громче всех пристало.
Посеяв лучших дочерей, затмил ты смертных!
Про всех нас говорю, но больше про себя.
Оставив кросна с челноками, обрела я
возвышеннее цель – зверей ловить руками!
И вот держу перед тобою, сам ты видишь,
победную награду, чтоб её на доме
повесить. В руки ты, отец, её прими,
наполнись радостью, гордись моим уловом,
зови друзей на пир, поскольку ты блажен,
блажен, когда мы это такое совершили!

Кадм О непомерное, невидимое горе,
руками жалкими свершённое убийство!
Забила славную ты жертву для богов
и вот на пир меня и Фивы приглашаешь.
Вот ужас-то, сначала твой, а после мой!
Бог покарал нас по заслугам, но чрезмерно,
вождь Бромий, а ведь он родился в нашем доме.

Аг. Брюзглива всё же человеческая старость

и неприветливы глаза её. Эх, стал бы мой сын охотником лихим, пошёл бы в мать, добычу с юными фиванцами ловил бы! Однако нет, на богоборчество лишь он способен. Ты бы вразумил его, отец. Кто призовет его сюда, пред облик мой, чтоб он полюбовался материным счастьем?

Кадм Ах горе, горе! Если бы постигли вы дела свои, как страшно вы скорбеть бы стали! Но до конца оставшись теми, что вы есть, вы не становитесь несчастными в несчастьи.

Аг. Да что же тут плохого, чем ты так расстроен?

Кадм Сначала в это небо взгляд свой погрузи.

Аг. Пожалуйста! Что мне прикажешь там увидеть?

Кадм Оно всё то же или как-то изменилось?

Аг. Оно светлее, чем недавно, и прозрачней.

Кадм Ещё смятение в твоей душе осталось?

Аг. Не знаю, что ты говоришь, но я как будто пришла в себя, мой прежний ум переменялся.

Кадм Ты будешь слушать и разумно отвечать?

Аг. Забыла я, отец, про что мы говорили.

Кадм В чей дом пришла ты жить под звуки гимениев?

Аг. Ты выбрал, говорят, спартанца Эхиона.

Кадм Что за ребёнок был рождён супругу в доме?

Аг. Пенфей, плод брака моего с его отцом.

Кадм Ответь же: чьё лицо в своих руках ты держишь?

Аг. Ведь это лев. Так мне охотницы сказали.

Кадм Всмотрись как должно: взгляд – недолгое усилие.

Аг. Ой, что это я вижу? Что в руках моих?

Кадм Гляди внимательно и постигай усердной.

Аг. На горе горькое, нечастная, смотрю я!

Кадм Ты полагаешь, что и вправду это лев?

Аг. Нет, голову Пенфея, бедная, держу я!

Кадм Оплаканную прежде, чем её узнали.

Аг. Но кто его убил? Как он попал мне в руки?

Кадм Ты, правда горькая, приходишь слишком поздно!

Аг. Ответь мне! Сердце так и скачет, ожидая!

Кадм Погублен он тобой и сёстрами твоими.

Аг. Но где погиб он? В нашем доме или где?

Кадм Там, где собаки разорвали Актеона.

Аг. Зачем на Киферон пришёл мой бедный сын?

Кадм Позорить божество и тайну вакханалий.

Аг. Каким же образом там оказались мы?

Кадм Взбесились вы, и весь неистовствовал город.

Аг. Дионис погубил нас, мне теперь понятно.

Кадм Обижен тем, что вы в нём бога не признали.

Аг. Где сына тело драгоценное, отец мой?

Кадм Я разыскал его с трудом, и вот несу.

Аг. Все части тела вместе собраны, как нужно?

<Кадм Нет, доченька. Всё перемешано пока.

Аг. Тогда нам нужно их собрать сию минуту!
 Каadm Конечно, подготовим тело к омовенью.>
 Аг. Насколько разделил Пенфей моё безумье?
 Каadm Он стал подобен вам, не почитая бога,
 и бог спаял одним несчастьем всю семью:
 и вас, и вот его, чтоб дом наш уничтожить,
 да и меня, ведь я, без сыновей оставшись,
 смотрю, как плод, бедняжка, чрева твоего
 с таким позором, так негодно был погублен.
 Им этот дом прозрел. Ты сохранял, мой внук,
 дворец мой, ты, рождённый дочерью моею!
 Держал ты город в страхе, и мои седины
 никто не думал оскорблять, перед глазами
 имея облик твой, боясь достойной кары.
 Теперь без чести буду выгнан я из дома,
 великий Каadm, который этот род фиванцев
 посеял и пожал прекрасный урожай!
 Любимейший из всех людей (пускай и мёртвый,
 ты всё же для меня любимейший, мой внук),
 ты к бороде моей уже не прикоснёшься,
 внук милый, дедом называя, обнимая,
 твердя: «Кем ты, старик, обижен, обесчещен?
 Кто непочтительно твоё тревожит сердце?
 Скажи мне, дед, и я с обидчиком расправлюсь!»
 Теперь несчастен я, и ты страданье принял,
 и мать убита горем, и весь род загублен.
 И если кто-то есть, кто презирает небо,
 пусть, видя эту смерть, богов зауважает!
 Хор Тебе я сострадаю, Каadm: однако внук твой
 наказан по заслугам, хоть тебе и больно.
 Аг. Отец, ты видишь, как мой жребий изменился¹

¹ *Примечание переводчика:* На этом месте в рукописи большая лакуна. Потеря текста произошла после IX века. Количество утерянных строк точно неизвестно. Tyrrell (с. 139) и Dodds (с. 234) считают, например, что утрачено, как минимум, 50 строк. Cruickshank (с. 63) – что, по меньшей мере, 100. Однако мы располагаем достаточным материалом, чтобы попытаться восстановить пропавший текст. На русском языке это делается впервые.

В анонимном античном вступлении к «Вакханкам» говорится, что «Дионис, появившись <...>, обратился ко всем и разъяснил, что случится с каждым на деле, а не на словах, чтобы (впоследствии) какой-нибудь посторонний не презирал его, считая человеком» (здесь и далее цитаты в моём переводе).

Греческий ритор Апсин из Гадары, преподававший своё искусство в Афинах около 235 года н.э., пишет следующее, объясняя, как нужно вызывать в слушателях жалость (Diggle, с. 352): «У Еврипида мать Пенфея, Агава, освободившись от безумия и узнав собственного сына, разорванного на части, обвиняет себя и вызывает сострадание. ... Еврипид применил следующий способ, желая вызвать жалость к Пенфею: мать, беря в руки каждую из частей его тела, плачет сообразно с каждой из них.»

Между IX и XIII вв. византийский автор (Псевдо-Григорий) сочинил длинную религиозную драму под названием «Христос страждущий» (Χριστός πάσχων, *Christus patiens*), щедро заимствуя строки из находящейся у него полной копии «Вакханок» и, видимо, слегка изменяя их в соответствии с новой, христианской, темой. Материал утраченной сцены,

как превратилась я из радостной менады
в скорбящую, судьбою сломанную мать,
несчастную, когда-то бывшую счастливой!
Что делать мне теперь? Как мне постигнуть то,
что сотворила я? Как не сойти с ума?
Сыночек мой любимый, бедный мой ребёнок,
растерзанный толпой неистовых вакханок!
*Тебя не думали они в могилу класть.
Но как тебя свела я с дерева на землю?
В какой гробнице я твоё укрою тело?
В какой же пеплос мертвеца я заверну?*Как больно мне! Как выдержать такую боль?
Она трясёт меня и сдавливает горло,
*чтоб я всю песню вытянула из души,
целуя это тело, вскормленное мною*.
Но как мне целовать его? Он весь покрыт
налётом грязи, и еловых игл, и крови!
*И как же мне, страдалице, прижать его
к груди? Каким же образом его оплакать?*Сыночка своего с трудом я узнаю
в ужасной мешанине мяса и костей.
Но тело милое сложу я воедино,
пускай оно опять покажется живым,
заснувшим ненадолго под покровом алым.
Сыночек снова обретёт себя, хоть это
безрадостное утешение для мёртвых.
Страдалица, не убивайся так! Подумай,
ведь многие теряют сыновей любимых!
Аг. *Давай, старик, приладим голову, как должно,
втройне блаженную, и развитое тело
настроим снова, прилагая все старанья.
Лицо любимейшее, щёки молодые!
Я голову твою платком прикрою этим,
багряное же, исцарапанное тело,
все части милые, одену в новый пеплос*.
Лицо родимое, ты мне не улыбнёшься,
не разожмёшь своих кровавых, синих губ!
Скажи мне что-нибудь, молю тебя, скажи!
Ответь, что ты прощаешь мать свою, что мы
опять друг друга встретим за кедровой дверью!

Хор

Аг.

изъятый из этой византийской драмы, приводится в оксфордском стандартном собрании сочинений Еврипида (Diggle III, сс. 354-5).

Более того, сохранились два небольших частичных папирусных фрагмента, которые восстановил Dodds (с. 243), и четыре цитаты из античных авторов (Diggle III, сс. 352, 356).

Весь вышеупомянутый материал включён в мою реконструкцию утраченного текста и помечен звёздочками (*) в начале и конце каждого фрагмента. Восстановленный отрывок заключён в треугольные скобки (< >). Никак не помеченный текст внутри этих скобок принадлежит мне.

Вы, руки белые, исполненные силы,
на плечи матери не ляжете вы больше!
Как я надеялась, что вы меня снесёте,
когда придёт мой срок, в спокойную гробницу!
Вы, ноги крепкие, как вы легко держали
сыночка милого! Но вы не отнесёте
на пристань мать свою, где ожидает лодка,
пропитанная чернотой подземелья!
Любимейшее тело, ты во мне росло
и жизнью полнилось, толчками отвечая
на имена, которые я повторяла,
чтоб выбрать самое прекрасное тебе –
вот я и выбрала! Ах, если б я не стала
внимать позывам чужеземного пришельца!
Ах, если б не взяла я в руки эту мерзость,
вот этот грязный тирс! Какой теперь он хрупкий!
И кто бы мог подумать, что совсем недавно
разил он насмерть! Как же я могла забыться
настолько, что родного сына не узнала!
Какое я чудовище! Ведь даже львица,
ведь даже гидра, эта вязь колец поганых,
своих детёнышей не тронут! Как же я,
живая женщина, не гидра, не гиена,
смогла такое сотворить? Не понимаю!
Не понимаю! Это бог меня смутил,
мне голову наполнил тягостным дурманом,
пришелец пакостный...

Хор

Агава, замолчи...

Аг.

...желающий насилья,
и пьющий кровь...

Хор

... не проклинай богов!
Не навлекай на дом свой бед ещё ужасней!

Аг.

...и верующих, и безбожных!
Как я клянусь себя! Как ненавижу я себя!
Ах, если б можно было мне саму себя
на части разорвать, как моего сыночка!

Хор

Приди в себя, злосчастная!

Аг.

Почему мои руки такие слабые, почему?

Хор

Остановись, опомнись!

Аг.

Только волосы, только волосы могу выдирать ими!
На большее не хватает силы!
Дионис, ты на всё способен! Ты превращал уже меня
в зверя кровожадного, так преврати в мужчину
хоть на мгновенье! Чтоб я самой себе скрутила шею!
Отец, дай меч, прошу тебя! Дай что-нибудь,
какое-нибудь оружие, хотя бы верёвку! Отец,
я не могу больше переносить эту боль, не могу!

Хор

Кадм, сделай что-нибудь! Она убьёт себя!
Лишился внука ты. Так сохрани хоть дочь!

Кадм

Агава, успокойся. Перестань рыдать.

Отца погубишь. Я уже едва держусь.

Аг. Отец мой милый, что же делать мне? Скажи!

Кадм Терпеть, как я терплю. Все смертные страдают, такой уж нам удел достался от богов.

Аг. Но если невозможно вытерпеть такое?

Кадм Я всё *взяла* уже. Мне больше не поднять. Не прибавляй к моей беде ещё беду. Ты всё же дочь моя. Держи себя достойно, как и положено наследнице того, кто основал несокрушимый град фиванский.

Хор Старик, великолепно сказанная речь! Пускай уже придёт в себя. Страдать не в меру противно так же, как не в меру ликовать.

Кадм Пенфей наказан богом. Мы – всего лишь люди и небожителей не можем обсуждать. Дары богов даются нам не навсегда и забираются, когда мы недостойны. Я был благословен и городом, и сыном, и вот лишён обоих. Впрочем, справедливо. Я с участью своей навеки примирился, *Пенфея красное, растерзанное тело сюда заботливо неся, ты так и знай. Пусть каждый смертный, это видящий, постигнет, что Зевсом порождён божественный Дионис.*

Хор Смотрите, появляется сам бог Дионис над крышей дома! Замолчите и внимайте!

Дион. Ты сделал правильно, старик, что дочь свою остановил. А то бы ей пришлось несладко. Не терпят боги непочтительных речей, и богохульник до седин не доживает. Народ фиванский, ты не выказал почтения, которое сын Зевса должен получать, поэтому всю силу божьего возмездья *узнал ты, и тебе воздалось по заслугам*. Хоть многие из вас мне сразу поклонились, я не забыл, что в этом городе творилось. *Кощунственно и лживо люди говорили, что я от смертного отца происхожу, и я не мог терпеть такие оскорбления*. Отец мой Зевс был к вам чрезмерно благосклонен, не буду я его решения осуждать. *Воистину, его я богом признаю людей, такое сотворивших* злодеянье, обидев жителя небес, который тут свои обряды устанавливал! В темницу меня вы заточили! Вот предел нечестья! Теперь я ваше будущее предреку, оно исполнится, уж вы не сомневайтесь. Пусть не подумает никто из посторонних, что это говорит обычный человек!

С правителем я вашим славно рассчитался.
Меня ты слушай, Кадм! И ты, Агава, слушай!
*Он принял смерть от тех, кто был ему всех ближе,
обязан путами, словами уязвлён.
Такое учинил народ, любимый прежде,
над благодетелем своим, пылая злобой,
но тот страдал не вопреки своим желаньям.
Не скрою я лишений вашего народа,
какие беды поразят его, скажу.
Оставит город поневоле он и будет
меж варваров рабом и беженцем бесправным.
Его погонит бог по варварским пределам,
копьем толкая, подвергая многим бедам.
Отец всеобщий принуждает всех злодеев
покинуть город, чтоб за скверну заплатить
тому, кого они повергли, умерщвляя,
и больше родины не видеть. Не пристало
убийцам у могил убитых находиться.
Во многие они придут города,
влача ярмо рабов, злосчастные созданья*.
А мать Пенфея пусть немедленно уходит
в изгнанье вечное. Ей больше не увидеть
фиванских башен, раззолоченных на солнце.
Совершено невыносимое злодейство:
убила сына мать, охвачена безумьем.
Растерзанный, среди камней он встретил смерть,
по глупости в лесу дремучем оказавшись.
Итак, убившая должна покинуть город,
забрав своих сестёр, пособниц преступленья.
*Тот человек, чей жалкий труп в руках ты держишь,
Агава, захотел священным вашим пляскам
противиться! Пенфей, однако, их* умерить
не смог, но лишь раскрыл *нечестие* своё!
Пусть каждый, кто *не хочет видеть свет возвратный*,
от лика мстителя идущий, поразмыслит
со всей серьёзностью о будущем своём.
Теперь ты слушай, Кадм, когда-то величавый!
Ты лично предо мной ни в чём не провинился,
но ты – отец семьи, настолько полной скверны,
что наказанье миновать тебя не может.
Твой внук Пенфей со мною нагло обошёлся,
и гордой поступью он вызвал порицанья,
осмелившись поднять оружие на богов.
Ты согласишься, что обиде нет прощенья.
Поэтому произойдёт с тобой такое:>
ты в змея превратишься, и твоя супруга,
Гармония, Ареса дочь, змеёю станет,
женился ты на ней, хотя ты просто смертный.
И на быками запряжённой колеснице,
по слову Зевса, тучи варваров несметных

вы поведёте, разрушая города.
 Разграбив Локсиев оракул, ваше войско,
 терпя лишения, отправится домой –
 тебя же и Гармонию Арес избавит
 и вас поселит обитать в краю блаженных.
 Я говорю, Дионис! Мой отец не смертный,
 но Зевс! Вот если б вы вели себя разумно,
 чего вы не желали, было бы вам счастье,
 и сам сын Зевса вам союзником бы стал.

Каadm Прости, Дионис! Мы обидели тебя.
 Дион. Узнали вы нас позже, чем нам было нужно.
 Каadm Мы это признаём, но ты суров чрезмерно.
 Дион. Я бог, а вы со мною нагло поступили.
 Каadm Богам негоже гнев питать подобно смертным.
 Дион. Отец мой Зевс уже давно одобрил всё.
 Аг. Ай-ай! Так решено, старик! Тоска изгнанья!
 Дион. Чего вы медлите? Судьбы не избежите.
 Каadm Дитя, какое горе страшное постигло
 <всех нас>: тебя, несчастную, сестёр твоих
 и бедного меня! Пойду я на чужбину,
 старик-переселенец, и приказ мне дали
 со смесью варваров на Грецию напасть!
 Гармонию, Ареса дочь, мою супругу,
 змеей свирепой ставшую, я поведу,
 сам змей, на алтари и на гробницы греков,
 командуя копейщиками! Не закончу
 вовек страдать, и вниз текущий Ахерон
 не сможет унести меня к успокоенью!

Аг. Отец, тебя лишусь я и уйду в изгнанье!
 Каadm Дочь бедная, зачем, как лебедь белоснежный,
 ты обнимаешь измождённого отца?

Аг. Куда мне обратиться, родины лишённой?
 Каadm Не знаю, дочка. Твой отец – плохой помощник.
 Аг. Дом, прощай! И прощай, мой родимый
 город! С плачем тебя покидаю,
 ухожу из покоев!

Каadm Отправляйся же, дочь! Аристеев
 <дом ты, может, найдёшь на чужбине.>

Аг. Жаль, отец, мне тебя! Каadm Мне же, дочка, тебя!
 Плачу я и по сёстрам твоим.

Аг. Вот какой отвратительной пытке
 повелитель Дионис
 всех твоих домочадцев подверг!

Дион. Я ведь тоже от вас пострадал,
 не найдя почитания в Фивах.

Аг. Ну, прощай же, отец! Каadm Дочь, прощай!
 Где найдёшь ты, бедняжка, прощенье...

Аг. К сёстрам путь покажите, подруги!
 Поведу я страдалиц в изгнанье.
 Но пойду я в то место, где больше

Киферон мне не видеть нечистый
и не быть на глазах Киферона,
где не ждут посвящённые тирсы:
пусть их носят другие вакханки!

Хор   Много в мире обличий божественных,
                 много делают боги негаданно,
                 ожидаемое не исполнилось,
                 бог же выбрал дорогу к нежданному,
                 и на этом закончилось дело.

Брисбен, 29.08.2010–2.05.2011